

М. В. Всеволодова (Москва)

**РУССКИЙ ЯЗЫК. ОБЪЕКТИВНАЯ И НОРМАТИВНАЯ
ГРАММАТИКА. ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ
(К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ
(НАУЧНОЙ) ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

В последние десятилетия у лингвистов, в частности у русистов, резко ослаб интерес к вопросам собственно грамматики. Основное внимание языковедов сосредоточено на вопросах языковой картины мира, концептуализации слов и понятий. Однако все эти проблемы

имеют своим ядром, своей глубинной частью собственно грамматику [17], или Грамматику с большой буквы. Вокруг нее складывается новое направление, которое уже получило свое название – «Грамматикализация».

Это не собственно новое понятие. Его основоположником является отец европейского языкознания (в широком понимании этого слова) – В. Гумбольдт, утверждавший, что человек может жить только в круге своего языка и выйти из него может только в другой язык [28]. Эту идею разделял А. А. Потебня в своей замечательной книге «Мысль и язык» и в других работах [19; 20]. Наконец современную и в определенной степени направляющую формулировку грамматикализации дал в первой трети прошлого века А. М. Пешковский в своей очень важной для нас статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык» [18]. Смысл этой идеи состоит в том, что носитель языка не может говорить на своем языке неправильно. Он может нарушать норму, но не может выйти за пределы системы (речь идет не о случайных оговорках, а о системных употреблении). Системы языка мы пока не знаем, поскольку всегда изучали грамматику и устанавливали «правильности» в пределах того, что в данный момент считалось и считается нормой. Вместе с тем, так называемая «норма» у нас часто называется системой и устанавливается субъективно: нормативным считается то, что написано в грамматиках или словарях авторитетных авторов. И изменения собственно нормы не фиксируются и не предсказываются (см., например, книгу О. Б. Сиротининой, замечательная школа которой в Саратовском университете занимается именно вопросами правильности/неправильности русской речи, где под системой понимается норма, а под узусом естественная речь [21]). Однако ставший частотным несколько лет назад предлог *касаемо чего* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова представлен как единственный, в данном словаре нет предлога *касательно чего*, который является нормативным для многих наших современников, ориентирующихся на словари С. И. Ожегова и С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где нет предлога *касаемо чего*, но отмечен *касательно чего*. Вместе с тем, употребление *касаемо* распространяется все шире, и нигде нет никаких замечаний о нормативности этого предлога. Сделаем несколько замечаний по поводу нормы.

1. У нас нет в русистике такого необходимого направления, как нормативистика. А нормативистика должна бы не только «указывать»

на правильность/неправильность той или иной реализации словоформы или синтаксической структуры в данный момент времени, но и представлять историю нормы, видеть и распознавать процессы ее изменения. Некоторые наблюдения показывают, что можно выделить, по крайней мере, два типа изменений в норме. Представим их.

1. В некоторых случаях налицо чередование синонимов, как в случаях с *касаемо/касательно*, или с изменением падежной формы при предлоге *по* в значении 'после'. Если в 50–90-е гг. прошлого века нормой был предложный падеж, то сейчас 99 % российских студентов филологического факультета МГУ, в том числе и коренные москвичи, употребляют в этом случае дательный падеж. Выражение *Билеты будут продаваться по приходу автобуса* я впервые услышала в 1964 г. из уст кассирши автобусной станции в г. Нальчике и подумала, что начинаются какие-то изменения в норме. По возвращении в Москву моя проверка в среде русских студентов МГУ показала, что нормой для всех являются словоформы *по приходе, по возвращении, по окончании*. Однако из уст тогдашних автобусных и трамвайных кассирш можно было услышать в Москве только *после прихода, после приезда*, но не *по приходе, по приезде*. Это был другой уровень речи. В 70-е гг. на окошках касс, где мы получали зарплату, появились объявления: *Деньги выдаются только по предъявлению паспорта*. Обсуждая между собой это новообразование, мы думали, что, возможно, в бухгалтерии МГУ воспринимают эту словоформу по аналогии со словоформами *по приказу, по совету*. Но в прекрасной коллективной монографии 1964 г. «Изменение в системе словосочетаний» (под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой) В. А. Белошапкина в своем разделе отмечает, что в XVII–XVIII вв. словоформы типа *по приходе/по приходу* были синонимами (думается, что эта книга – единственная работа такого уровня в современной русистике, которая имеет отношение к истории нормы в речи). И вполне возможно, что вариант *по приходу/по приезде* существовал и существует в Нальчике и других местах с тех самых пор. Вопрос о степени распространения нормы даже на территории собственно России в нашей грамматике никогда не поднимался. А нормативистика должна была бы этим заниматься. *Касательно* и *касаемо* – тоже синонимы. В свое время стали употребительными прилагательное и наречие *волнительный* и *волнительно*, относительно которых в литературе было высказано замечание, что это нарушение нормы, поскольку правильными являются *волнующий* и *волнующе*, на что другой автор привел в пример слова *пленительный*,

увлекательный, замечательный и др., семантически и структурно однородные с *волнительный/волнительно*, что говорит о правомерности такого их употребления. Как известно, *волнующий* – это собственно действительное причастие настоящего времени, причем вошедшее в русский язык из староболгарского языка, поскольку для восточнославянских языков эти причастия образовывались с морфемой *-ач*-типа *сидячий, лежачий*, что сейчас имеет место только в белорусском языке (в русском и украинском они перешли в прилагательные; в украинском действительных причастий настоящего времени вообще нет). И думается, прилагательное *волнительный* в русском стало употребляться раньше варианта *волнующий* здесь налицо чередование синонимов. Эти изменения касаются лексики и управления, к которому мы еще вернемся, но, возможно, и других фрагментов грамматики в широком смысле слова, например, переноса ударения в словах. Так, лично я различаю (буквально, инстинктивно, не задумываясь) форму краткого прилагательного среднего рода *нужно́* (*Мне **нужно́** это письмо*) и наречия *нужно* (*Мне **нужно** прочитать это письмо*); но все мои более молодые коллеги по кафедре, в том числе и фонетисты, как правило, замечают, что сейчас уже все употребляют только словоформу *нужно* и в функции прилагательного, и в функции наречия. Соответствующих исследований у нас пока нет.

Обращение к нашей литературе показывает, что некоторые формы получили более употребительную замену, но не воспринимаются как устаревшие, а просто не употребляются в речи естественного общения. Вспомним реплику Онегина: *Так ты женат? Не знал я **ране*** (Пушкин), где слово *ране* для нас отнюдь не представляется архаизмом. Но в нашем употреблении сейчас два других варианта: *ранее* и *раньше*, ср.: ***Ранее** в СМИ появилась информация, что в ближайшие дни Президент Украины Петр Порошенко намерен отправить Гелетя в отставку; **Ход** стерляди, обусловливаемый первой вешией прибылью воды, начинается на средней и верхней Волге **несколько ранее, нежели** в нижней; **Раньше** аутизм считался только психиатрической или психологической проблемой; **Солнце** может потухнуть **раньше, чем** считалось до сих пор.*¹

2. В то же время есть изменения, входящие в систему языка «навсегда». К таким относится, в частности, распространение в русском языке окончание ударного – *á* в именительном падеже множе-

¹ Основная масса примеров в статье взята из интернет-источников.

ственного числа слов мужского рода на согласный. Как известно, это было системное окончание формы двойственного числа в старославянском и старорусском языках. У некоторых слов, например, *стол*, эта форма совпадала с формой родительного падежа единственного числа и в процессе разрушения двойственного числа была переосмыслена в нашем сознании именно как форма родительного единственного, «перетянув» к числительным *два, три, четыре* и родительный ед. ч. таких слов, как *глаза́, рога́, бока́* (ср. мн. ч. в поговорке *руки в бо́ки*), *берега́, рукава́, господа́* (господин + госпожа). Но двойственное число не ушло бесследно. В болгарском, как известно, слова мужского рода на согласный в сочетании с числительными от *два* и выше оканчиваются на *-á*: *нет трамвая́, сто и еден стола́* – так называемое счетное множество. В русском языке *-á* стало постепенно, пословно распространяться и на слова, не обозначающие парные предметы. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755 г.) всего несколько слов м. р. на *-á*, кроме упомянутых выше названий парных предметов, в частности *лесá*. В Академической грамматике 1863 г. их уже больше сорока. Еще в конце XVIII в. системны были *до́мы* и *го́роды*. *Учителя́* появились в начале XX (но Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин были еще *учи́телями* марксизма), а *профессора́* в середине XX века. Сейчас распространение этой формы идет в рамках функциональных стилей. Для спортсменов нормально *тренера́*, для летчиков и моряков *штурмана́, катера́*, для кулинаров *супá* и *торта́*; для астрофизиков, ботаников, медиков, кулинаров и техников – *слоя́*: *Из приведенных аппроксимирующих выражений видно, что **поверхностные слоя** увлажняются по экспоненциальной зависимости, а **внутренние слоя** уменьшают свою влажность по...; Это необходимо для того, чтобы **поверхностные слоя** были более плотными, а значит – более твердыми; DexShell носки являются водонепроницаемыми и отлично пропускающими паром влаги, поэтому внутренний и **внешние слоя** носков заполнены воздухом, а не влагой; Здесь трехслойные стены напоминают вафлю, **внешние слоя** из строительного твердого материала (например, кирпич), а внутренняя прослойка – минеральная или стеклянная вата; Благодаря охлаждению можно предотвратить проникновение ожога в **нижние слоя** кожи; Когда **нижние слоя** начнут обжариваться (пройдет примерно 5–7 мин), лопаточкой перемешать. Ср. также: Низкий уровень морской воды **Технические шума** и 240 50hz fmax прочный корпус; **Неожиданные шторма** дезорганизовали испанский флот.*

Остановить этот процесс нельзя. Словоформы *номерá, докторá, поварá, кучерá, поездá, домá, городá, кондукторá* и мн. др. давно стали нормой. В процессе перехода – *инженеры/инженерá, директоры/директорá, шофёры/шоферá, токари/токаря́, слесари/слесаря́, годы/годá* и много других слов².

К таким же изменениям относятся процессы, происходящие сейчас с числительными. Некоторые студенты-филологи, коренные москвичи утверждают, что слово *порядка* для них выступает только как наречие и они не могут сказать *заплатил порядка двух тысяч*, а только: *заплатил порядка две тысячи*. *К возвращению на полноценные тренировки по борьбе у меня ушло порядка четыре с половиной месяца после операции; Комиссия взыскивается и в том случае, если банк продает вам какой-либо чек, который вы хотите оплатить, она составит порядка двадцать долларов; Для этого достаточно цену Chevrolet Colorado в Штатах (это порядка двадцать – двадцать пять тысяч долларов США) умножить раза в полтора; Порядка сорок лет фирма успешно разрабатывает и предоставляет своим потребителям оригинальные инновационные продукты.* Но многочисленны и примеры, когда не склоняется только числительное (довольно часто это названия десятков в составных числительных): *В Европе подобное растение попало порядка четыре столетий назад, однако здесь оно не нашло достойного применения; Начиная свой путь в этом направлении, пассажиры проезжают порядка двадцать двух транзитных остановок, на которых составы поездов делают 1–5-минутные стоянки; Новая работа Кемпке будет насчитывать порядка сорок пяти красочных локаций.* На Международных съездах и конференциях филологов нами отмечены в речи докторов филологических наук, ведущих научных работников Института русского языка им. В. В. Виноградова и ведущих профессоров филологического факультета МГУ, системные в их выступлениях выражения *в двух тысяча первом году, в двух тысяча девятом году, в двух тысяча одиннадцатом году*. Ср. из речи диктора ТВ: *Чего ждать от прихода гостей, капитан знал по предыдущему визиту гостей в двух тыща двенадцатом* («Вести недели»). Очевидно, это процесс дальнейшего ста-

² Как известно, у А. А. Зализняка другая точка зрения на причину распространения этой формы, не связанная с проблемами двойственного числа и, вполне возможно, более убедительная, но это не влияет на степень распространяемости и закрепление этой формы в системе русского языка.

новления категории числительного как самостоятельной части речи. Напомним, что в старославянском и старорусском языке числительные *один, два, оба, три, четыре* (как и сейчас) склонялись как адъективные местоимения, а от *пять* и выше были существительными женского рода, называющими числа, ср.: *горсть орехов – пять орехов*. Современная лингвистика интересуется этой частью речи (см., например [Числовой код 2014]), но конкретным замечаниям относительно ненормативного их употребления посвящены анонимные статьи в Интернете.

Кроме указанных, есть еще и другие проблемы нормативности, связанные с неразработанностью в нашей грамматике многих собственно грамматических аспектов. Вот некоторые из них.

1) Работа над предлогами показала нам, что в случае присоединения предлога к квантитативу-словосочетанию, образованному числительным и существительным (типа *поговорил с десятью студентами*), может возникнуть оппозиция «точное число» vs. «приблизительное число участников ситуации». В таком случае к предлогу, в том числе и первообразному, возможно присоединение второго предлога-конкретизатора, который в других случаях может употребляться и самостоятельно, ср.: *Пришло порядка десяти студентов*, где вопрос о падежной форме квантитатива не возникает, поскольку в прямых падежах (Им. и Вин.) «словом» в словосочетании является числительное, а «словоформой» (зависимым компонентом) – существительное. Но в нашем случае (косвенный падеж) «словом» является существительное, а «словоформой» при нем – числительное. Другими словами, в какой форме должен стоять квантитатив в случае *поговорил с порядка...?* Ни в одной грамматике этого узнать нельзя. Наш материал показал, что в речи естественного общения с равной частотностью выступают три реализации:

а) квантитативом управляет базовый предлог: *поговорил с порядка десятью студентами*;

б) квантитативом управляет конкретизатор: *поговорил с порядка десяти студентов*;

в) базовый предлог управляет существительным, конкретизатор – числительным: *поговорил с порядка десяти студентами*.

Какая из них нормативна? Или они все равноправны? Заодно мы увидели и некоторую специфику в функционировании русских предлогов – способность двух контактно расположенных предлогов с од-

ним существительным (а это системное явление в русском языке, о котором мало что говорится в наших самых авторитетных грамматиках; см. [9]) управлять, в данном случае, или квантитативом в целом, или своей – по содержанию – частью.

Ни в одном из наших словарей нет предлогов **к нутри от** чего, **к наружи от** чего, **к зади от** чего и под. Но без них нельзя выпустить иностранного студента-медика на первом курсе в анатомический практикум, ср.: **К нутри от** зубчатого ядра в белом веществе полушария мозжечка располагаются пробковидное ядро и шаровидные ядра; Гетеролатеральный сколиоз развивается при расположении корешка **к нутри**, а гомолатеральный – **к наружи от** грыжи диска; **К зади от** хрусталика – стекловидное телопрозрачное образование.

2) В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в четырехтомном академическом словаре предлог *в бытность* представлен в двух реализациях: *в бытность кого/чью кем* – **Еще в бытность мою министр финансов** я его устроил управляющим конторой государственного банка в Киеве, каковой пост он занимает и до сих пор; **Я в бытность моей собаки щенком** очень много прочитала на эту тему литературы; и *в бытность кого/чью где* – **В бытность моего брата в Питере** он часто встречался с Иваном; **В бытность свою в городе** посетил театр. Вместе с тем, и в передачах по ТВ, и в речи естественного общения оказались употребительными такие реализации, как: **В бытность моей учебы в университете** молодожены ездили в ЗАГС на трамвае; **Лет 30 назад, в бытность моего проживания** на Днепропетровской улице... (русисты самой высокой квалификации (например, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина и др.) оценивают их как абсолютно нормативные). Материал речи естественного общения подтверждает системность употребления этих реализаций (с бытийными существительными), однако рядом с ними функционируют и другие: **Он служил в Армии в бытность Фрунзе**; **Книга была написана Полтавцевым И. Н. еще в бытность Советского Союза**; **После дегустации и обеда (по желанию) из с. Негуши едем по старой дороге, которую строили еще в бытность Австро-Венгрии, в г. Котор**. Таким образом, этот предлог управляет не только одушевленными, но и неодушевленными существительными, не только в сочетании с предикативом или локативом, но и без них.

3) В наших Академических грамматиках в разделе о страдательных причастиях настоящего времени на **-ом** обычно называются *ведо-*

мый, везомый, влекомый, несомый, зовомый, искомый и делается оговорка, что в грамматике А. Х. Востокова 1831 г. их гораздо больше, а также даются указания, что причастия не образуются от некоторых типов глаголов, например, от односложных глаголов типа *пить, шить*, от глаголов на *-чь* (но см. выше *влекомый*) и нек. др. Наш материал показал, что все эти указания не имеют силы и в речи естественного общения причастия на *-ом* системно употребляются. Оговоримся, что речь с причастиями в русском языке не принято относить к «просто-речью». Подробнее см. в [6], здесь же приведем несколько примеров:

*Есть часто **некомый** лимонный кекс; Весь вечер, **едомый** комаром, я просидел возле нее; Президент с железной палкой матом крыл, эмоцией **трясомый**;*

*Макрофлекс надо нанести на **клеимый** предмет; Прикладываете **гладимую** вещь на барабан и нажимаете педаль; **Жаримый** оппозицией Саакашвили не признал правоту России;*

*Сделки не было: жсгущий – **жгомый** – Ставка очная: нас – и нар; Кирпичом своего же дома Человек упал в пожар (М. Цветаева); Каждый **секомый** обязан слушать секущего. См. выше: **стригомый, некомый**;*

*Состав, **пиемый** детьми из чаши заблуждения, ...; Колодец, **роемый** до неисчерпаемой общей воды. См. выше **биемый, едомый**.*

Кстати, добавим, что в школьных, университетских (но см. [22]) и Академических грамматиках до сих пор не сформулированы практические алгоритмы образования, в частности, страдательных и действительных причастий настоящего времени. Представим их.

Страдательное причастие наст. вр. образуется от «мы-формы» глагола (3 л. наст. вр.) ср.: *читаем – читаемый, любим – любимый*. (В глаголах с корнями *-да-, -зна-, -ста-* сохраняется от V_{inf} суффикс *-ва́-*: *давать – даем – дава́емый, узнавать – узнаем – узнава́емый, доставать – доставаем – достава́емый*.) Определять спряжение не нужно. При этом:

1. Суффикс *-им-* выступает и после гласных: *стро́имый, крои́мый*, и после согласных: *производи́мый, любимый*; он может быть как ударным, так и безударным.

2. Йотированный суффикс *-jem-* выступает обычно при интервокальном *j* (между гласными) и **всегда безударный**. Если же суффикс *-ем-* (без *j*) выступает в мы-форме после согласной, то иногда и в глаголе (см.: *я колеблю – мы колеблем, ты колеблешь – вы колеблете*,

он/она колеблет – они колеблют), и в причастии он выступает после л-эпентетикум: *По Росцелину, универсалии существуют только как колеблемый речью воздух; И сразу проснулся, тереблемый за плечо испуганной и сонной женой.* Глаголы, в причастиях которых появляется -л, еще нужно собрать: некоторые глаголы имеют л-эпентетикум и в «мы-форме» (*Мы колеблем пути сети*); другие – нет (*А мы теребим ушко, когда спать хотим!*). От таких глаголов более системным является причастие с -им: *Его длинная борода развевалась, теребимая свежим ветром* (Б. Акунин). Суффикс -ем употребляется и после -ш, -ж из свистящих: *пишемый, вяжемый* (см. ниже).

1) Если в 1 л. мн. ч. основа оканчивается на мягкий согласный переднего ряда типа *несём, ведём, везём, плетём, берём, зовём*, то в причастии восстанавливается твердый согласный (из формы 1 л. наст. вр.) и, соответственно, используется суффикс -ом-: *несём – несомый, пасём – пасомый, ведём – ведомый, везём – везомый*: *О лях-садист, Сенкевичем зовомый, Зачем убил добрейшего Ты пана Подбиенту?! Но fetelle по-французски "самка" (то есть в данном случае сосома, а не сосуца).* *Иудушка – ловец человек в паутину, плетому его слюнявыми устами и змеиным языком; Кукла, беромая за колечко, переворачивается вниз головой.* Слово *пасомый* системно в функциональном стиле русской православной церкви: *Отлучение от всех церковных святых выводит пасомого за рамки церковной ограды; Пастырю нужно знать пасомых: пусть открываются ему искренно, без опасений и подозрения.*

2) Если в 1 л. мн. ч. шипящий, то это результат первой палатализации звука, который восстановим: а) через форму 1 л. ед. ч.: *влечь – влечём – влеку – влекомый; жечь – жжём – жгу – жгомый; волочить – волочим – волоку – волокомый*: *Они стригущие, а не стригомые*; б) если в я-форме тоже шипящая, обращаемся к V_{inf} : *ищем – ищу – искомый, прячем – прячу – прятать – прятомый, режем – режу – резать – резомый, пишем – пишу – писать – писомый*: *"Кому" или "кого" вязать – какая разница, если завтра выборы, и как всегда перед ними не поймешь, кто вяжущий, а кто вязомый*; *Бывает, музыка не подходит под писомый или переводимый текст.* Но и раньше, и сейчас системны формы *писать – пишемый, вязать – вяжемый, резать – режемый*: *Страдательные причастия настоящие, кончающиеся на -мый, происходят также только от глаголов российских, у славян в употреблении бывших, напр.: ...пишемый...;*

А эти начнут стенать и рыдать, <...> вяжемые, биемые и поносимые отверженными духами, паче же сами себя; То, что тут говорили про дамаг, от ада режемый мдефом, – неправда; Авто в отличном состоянии: не битый, не крашемый.

Действительное причастие настоящего времени образуется от инфинитива глагола путем замены компонента личного окончания **-т** аффиксами **-щий, -щая, -щее, -щие**: *пишут – пишущий, сидят – сидящий*.

Таких пока недоработанных фрагментов в нашей грамматике много. Взять хотя бы указание на то, что краткие формы образуются только от качественных прилагательных. На самом деле они образуются и от относительных: *линии параллельны, перпендикулярны, углы равны, порошок растворим (= растворяется) в воде; больной не операбелен*. См. загадку: *Поля стеклянны, межи деревянны* (окно). А прикрасительные прилагательные типа *папин, мамин, отцов* суть изначально краткие формы [6].

В упомянутой выше статье А. М. Пешковского введено понятие объективной грамматики, которая учитывает весь язык, а не только то, что в данный момент нравится авторам словарей и грамматик. Нормативная грамматика необходима, в этом нет сомнения, но она должна существовать как определенное научное направление, какового в русистике, за исключением самого слова «норма», пока нет. Лингвист занимается конкретными аспектами языка, в том числе и в рамках прикладных направлений: преподавание языка инофонам разных возрастов и разных специальностей, составление программ, в том числе и для реализации межъязыкового общения людей, не знающих языка друг друга, в режиме *on line*, что на материале современного уровня описания грамматики, в частности русской, невозможно. Но лингвистика как наука должна знать о языке все.

Составить такую грамматику необходимо и для того, чтобы понять механизмы языка, стимулы, заставляющие говорящего выбрать тот или иной вариант реализации высказывания в зависимости от конституции, дискурса, в которых происходит общение. Представим (очень кратко) наши соображения и некоторые первые наблюдения, опираясь на положение А. М. Пешковского, что «для лингвиста не может быть "неправильного" и "некрасивого"».

II. 1. Для создания объективной грамматики, на наш взгляд, необходимы действия в рамках четырех аспектов: 1) объем подлежащего

анализу языкового материала; 2) синтез работ лингвистов разных направлений; 3) собственно грамматические исследования; 4) анализ русского языка «в зеркале» других языков, в первую очередь славянских, но не только.

Что касается объема языкового материала, то необходимы учет и категоризация единиц всех уровней употребления языка, включая: 1) говоры, диалекты; 2) речь естественного общения, что в настоящее время становится возможным благодаря компьютеру и Интернету, магнитофонам и пр. технике, без учета, разумеется, случаев языкового хулиганства и языковой игры, если они не являются объектом анализа; 3) выявление и анализ функциональных стилей (дискурс-2 – все множество текстов, написанных в данном функциональном стиле, по Фуко).

Как мы уже писали [4; 5; 9], наш анализ предложных единиц показал, что все предлоги, обозначающие отношения между двумя объектами (в широком смысле этого слова), имеют четырехчленную парадигму типа *шляпка в цвет платья / в цвет платью / в цвет к платью / в цвет с платьем*. Это морфосинтаксическая парадигма данного типа предлогов, и никаких исключений мы пока не нашли. В наших словарях указывается, что предлог *согласно* управляет только Дат. п., а предлог *аналогично* прибавляет предлог-экспликатор *с* + Тв. п. На самом деле оба предлога имеют полную четырехчленную парадигму, но в определенных функциональных стилях, например в военном, медицинском, употребляется практически исключительно с Род. п.: ***Согласно приказа Министра Обороны № 80 от 15.02.2000, военнослужащие, увольняемые из ВС по достижению*** (см. выше) ***предельного возраста...***; ***Согласно Приказа N 514 (п. 26, 32, 65) не ясно, как оформляется больничный лист сразу после стационара при направлении на долечивание в специализированный санаторий им. Чкалова; Мы проведем обследование поступившего и согласно выявленного заболевания назначим соответствующее лечение*** (Доктор мед. наук, главврач одной из ведущих Московских клиник; ноябрь 2014, ТВ); официально-деловом (= канцелярском), где возможен и вариант *согласно к чему*: ***Вопросы-ответы по праву в образовании; Согласно приказа Министерства общего и профессионального образования РФ от 22.05.1998 г. № 1327 п. 17...***; ***Выделить средства согласно к данному приказу*** (Приказ Министерства образования и науки, подписанный министром). См. и нормативные варианты: ***Аттестация рабочих***

мест, **согласно с приказом** Минздравсоцразвития РФ от 31.08.2007 г. № 569, который вступил в силу 01 сентября 2008 г... (ср. **согласиться с чем**); **Согласно приказу** Министра внутренних дел РК № 475-2002 г. «Об утверждении Правил патрульно-постовой службы органов внутренних дел Республики Казахстан по обеспечению... См. отрывок из книги Ю. Полякова: ... – **Согласно приказу** коменданта! – дружелюбно объяснил сержант Хузин.

Никогда еще Мишке не приходилось слышать, чтобы военный человек говорил "**согласно приказу**". Абсолютно все... обязательно говорили "**согласно приказа**"... Оно и понятно: Хузин попал в спецназдивизию "Росс-омон" со второго курса филологического факультета МГУ...

Заставить авторов процитированных выше «неправильных» высказываний говорить «правильно» вряд ли возможно. Это система языка, которой подчиняются даже заимствованные слова, такие предложенные французские словоформы, как *в пандан* и *визави* [5]. Но норма не постоянна, ср. из файла Интернета «А вот в книге "Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном языке", вышедшей в Санкт-Петербурге в 1890 году, прямо-таки запрещалось управление "согласно чему" и предлагалось говорить и писать только... "согласно с чем": *согласно с указом* и т. п., то есть имя существительное ставилось в творительном падеже. По-видимому, потому, что генетически предлог "согласно" связан с прилагательным "согласный", которое в словаре Даля поясняется как "согласованный с чем-то". Таким образом, наша современная норма для наших предков была нарушением нормы».

Необходим синтез работ многих авторов, в том числе работающих в разных моделях языка. Нередки случаи, когда одни и те же единицы разные авторы называют разными терминами и рассматривают в разных аспектах. Так ИК (интонационные конструкции) Е. А. Брызгуновой, выявленные ею в конце 60-х гг., несомненно, теснейшим образом связаны с категорией актуального членения, выявленной в середине 40-х гг. прошлого века В. Матезиусом, и выделяют именно тему и ремю, то есть составляющие категории предикации (предицирования) [14; 16]. Академическая Грамматика 1980 категорию ИК уже выделяет и добавляет ИК к описанию тех или иных моделей предложения, но ничего не говорит об актуальном членении. И только теперь оказалось возможным установить, что все словоформы в предложении имеют

свой коммуникативный ранг, а наречия (пока мы знаем только о них) имеют полную или ущербную коммуникативную парадигму [26; 27; 15; 10; 11]. Мы согласны с теорией С. В. Кодзасова об интонации точки, которая не совпадает с ИК-1, а падает на последний слог слова в предложении, даже если он безударный или представлен группой согласных и произносится ниже ИК-1, ср.: *Длина³ – ме¹тр↓* (постцентровая часть в теории Брызгуновой). Этот аспект языка оказался очень важным для славянских грамматик, поскольку в отличие от языков с грамматикализованным порядком слов (от немецкого до китайского, включая тюркские) в славянских языках порядок слов и порядок членов предложения (ЧП) – это две принципиально разные вещи, ср. три предложения с разными подлежащими, но с одной денотативной (содержательной) структурой: *Мальчик бегло читает; У мальчика беглость в чтении; У мальчика беглое чтение*. Все эти предложения входят в трансформационную парадигму первого (исходного, прототипического, изосемического изоморфного) предложения. Категория предикации – ядерная часть актуального членения, а категория актуального членения в славянских языках по своему рангу выше категории ЧП. Думается, что именно поэтому Н. Ю. Шведова отказалась от категории ЧП и ввела понятие структурной схемы, что было совершенно необходимо. В нашей модели языка мы позицию субъекта (независимо от падежной формы) обозначаем латинским S с показателем падежа, напр. *Брату – двадцать лет* можно записать как Sд Сор/0-форма Num(им)Nпрод. Но и от ЧП мы не отказываемся, поскольку выявилась их принципиально иная, нежели в языках с грамматикализованным порядком ЧП, функция [3, с. 431].

В то же время возможны и случаи, когда одна и та же категория выделяется разными авторами, но не отмечается в наших грамматиках. Еще в 1990 г. С. А. Шувалова выделила в рамках глаголах две группы – контролируемого и неконтролируемого действия, что оказалось важным при описании сложных предложений с придаточным условия, ср. возможность синонимического употребления предлогов *если* и *в случае*, *если* для контролируемого действия: *Мы пойдем в парк, если ты вовремя сделаешь уроки / Мы пойдем в парк в случае, если ты вовремя сделаешь уроки*; и неупотребительность предлога *в случае* для неконтролируемого действия: *Мы пойдем в парк, если у меня не будет болеть голова* [25]. Позже Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев показали релевантность такого разделения при переносном употреблении форм

наст. вр. в значении будущего (без ссылки на С. А. Шувалову): *Завтра я уезжаю*; *Через два года мой сын кончает университет*; и невозможность такого употребления в значении будущего времени для глаголов неконтролируемого действия: **Завтра идет сильный дождь*; **В будущем году в нашем саду расцветают розы* [1]. Вполне возможно, что эта категория контролируемости/неконтролируемости действия работает и в других категориях языка, которые ждут своего описания, в частности, в описании прямого и переносного употребления форм времени глагола, потому что употребить настоящее время глагола неконтролируемого действия в значении прошедшего времени вполне возможно: *Ребенку 3 месяца, неожиданно **поднимается температура** 38, на следующий день все нормально, через 3 дня снова к вечеру **поднялась температура** 38.*

Синтез работ разных авторов, иногда противостоящих друг другу, в ряде случаев выявляет необходимость по-другому посмотреть на языковой элемент. Как известно, в русистике существуют две теории словосочетания – широкая и узкая. Наша практика и материалы исследований функционирования предложения показали, что концепция В. В. Виноградова и разработанная им теория предикативности позволили разделить собственно предложение и словосочетание. Это принципиально важный фактор. А те характеристики, которыми В. В. Виноградов ограничил понятие словосочетания, на самом деле относятся к подчинительным словосочетаниям с полнозначительным грамматически главным словом. Это базовая, прототипическая форма подчинительного знаменательного словосочетания в его парадигме. А то, что В. В. Виноградов называет разрушениями словосочетания: изменение порядка «слова» и «словоформы» типа *читать интересную книгу* – *читать книгу интересную*, расстановка компонентов словосочетания типа *Книгу я сейчас читаю интересную* и др., – рационально рассматривать не как разрушение, а как свойство словосочетаний, что, несомненно, является одним из механизмов актуального членения. В. А. Белошапкова к подчинительным словосочетаниям подключила и сочинительные, а в число подчинительных включила так называемые описательные предикаты (коллокаты у Ю. Д. Апресяна), которые долгое время назывались фразеологизмами, поскольку, будучи грамматически адекватны знаменательным подчинительным словосочетаниям в качестве грамматически главного «слова», имеют строевое, семантически ослабленное слово, то есть представляют собой разверт-

ку слова, ср.: *посоветовать* > *дать совет*, *шить* > *заниматься шитьем*, *синий* > *синего цвета*. Такого рода словосочетания, имеющие свои правила образования в каждом языке, суть лингвистические универсалии. И наш материал, наша практика преподавания и описания русского языка как иностранного показала, что, во-первых, такого типа сочетаний – дескрипций – гораздо больше, что они образуются не только от глаголов, но и от других частей речи, и не только от сказуемых, но от всех членов предложения, кроме подлежащего [2], и что их преподавание необходимо, поскольку без них невозможна ни научная, ни деловая речь. А само это явление отнюдь не фразеологизация, а грамматикализация соответствующего явления. И кроме того, в систему словосочетаний входят и составные числительные, (а не только дробные, которые РГ-80 вывела из части речи в сочинительные словосочетания, поскольку там можно поставить союз *и*: *ноль целых и три десятых*); но во всех южнославянских языках единицы в составных числительных присоединяются именно так: *двадесет и еден*), и квантитативы – сочетания числительных с существительными при обозначении величины и количества типа *пять метров*, *две тысячи триста семьдесят человек*, составляющие отдельный фрагмент в оппозитивной системе словосочетаний, включающий и такие образования, которые в наших грамматиках как разновидность части речи «числительное» не указывались [23, 5, 6]. Мы назвали их комплексными числительными. Таким образом, синтез узкого и широкого понимания категории словосочетаний позволил выстроить грамматически строгую бинарную многогранговую систему оппозиций, что, в свою очередь, позволило увидеть специфику многих системных словосочетаний, грамматика которых до сих пор не описана. Например, интересно, что парадигмы квантитативов со словом *год* в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре* и с числительным *пять* и выше формируются лексически разными компонентами – *год* и *лето*, поскольку в старорусском слово *лето* имело и значение ‘год’: ***В лето 1560 до Рождества Христова была основана Митилена***. Но сами парадигмы разные, ср.: *два года – двух лет – двум годам – (в) два года – двумя годами – (о) двух годах* и: *пять лет – (до) пяти лет – к пяти годам – (в) пять лет – (с) пятью годами – о пяти годах*. Вместе с тем, категория предикативности позволила показать, как словосочетания, будучи механизмом актуального членения, могут переходить в предложения, ср.: *На столе лежит пять книг / одна книга – Книг на столе лежит пять / Книга на столе*

лежит одна – где налицо разделение компонентов словосочетания на тему и рему; и: *Книг на столе – одна*, где налицо модель предложения с типовым значением ‘субъект и его количество’ [3, с. 384]. А кроме того, оказалось, что такие единицы, как слово и словосочетание, в разных аспектах пересекаются и что словосочетание может входить в категорию частей речи.

Очень важной проблемой оказалась и неразработанность в нашей грамматике целого ряда собственно грамматических, языковых явлений, в первую очередь связанных с функционированием высказываний в разных типах дискурсов, а точнее, конкретных конситуаций, а также проблемы парадигматики, которая совершенно обоснованно применяется в наше время не только к морфологии.

В наших Академических грамматиках пока не представлены механизмы, управляющие не просто предложением, определяемым категорией предикативности, а предложением-высказыванием, формируемым категорией предикации. Предложение и предложение-высказывание – это разные уровни речевых построений. Как показало сопоставление с корейским языком, где в речи каждое предложение кончается частицей *та/да*, маркирующей именно высказывания, наши предложения в функции названий картин, книг, подписей под фотографиями и под. типа «*Грачи прилетели*» (картина Саврасова), «*Не ждали*» (картина Репина), «*Осенний день. Сокольники*» (картина Левитана) не имеют в конце такого маркера, в отличие, например, от предложений-высказываний из стихотворения Некрасова: *Поздняя о¹сень. Грачи^{1c} улетели. Ле^{1c}с обнажился. Поля^{1c} опустели³* [8].

У нас пока не разработана функция вводных слов, вводных сочетаний слов и вводных предложений, которые являются или выразителями предложенческого модуса, например, *якобы*, *едва ли*, *кстати*, или компонентами придаточных предложений, перенесенными в позицию вводных слов с целью поднять статус придаточной части до самостоятельного предложения: *Это значит, что он не хочет этого делать; Он, значит, не хочет этого делать*. См. интересную статью [13] о семантической парадигме вводных слов *видимо*, *кажется* и *мне кажется*.

³ Цифры после ударного слога обозначают соответствующее ИК по концепции Е. А. Брызгуновой. Перенесенная в инициальную позицию рема произносится с усиленной акцентуацией – ИК-смысловым (1с).

Следует отметить, что в ряде случаев сопоставление с другими, в том числе и с не славянскими языками, позволило выявить в русском языке явления, до того в поле нашего внимания не попадавшие.

1. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М., 1997.

2. Воробьева, Г. К. Онтологическая теория несвободной глагольно-именной сочетаемости слов русского языка / Г. К. Воробьева. – М., 2005.

3. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М., 2000.

4. Всеволодова, М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2010. – № 4.

5. Всеволодова, М. В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги / М. В. Всеволодова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2012. – № 6.

6. Всеволодова, М. В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2013. – № 6.

7. Всеволодова, М. В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счетное множество и изменения в парадигматике русских числительных. Функционально-коммуникативная грамматика / М. В. Всеволодова // Мультиязычный научный журнал "Stephanos". – 2013. – № 2. Электронный адрес: <http://www.stephanos.ru/index.php?entry=1>.

8. Всеволодова, М. В. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола в зеркале корейского языка / М. В. Всеволодова, Ким Тэ Чжин. – М.: URSS, 2008.

9. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов. – М.: URSS, 2013.

10. Всеволодова, М. В. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья первая / М. В. Всеволодова, Ф. И. Панков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2008. – № 6.

11. Всеволодова, М. В. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая / М. В. Всево-

лодова, Ф. И. Панков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2009. – № 1.

12. Изменение в системе словосочетаний / ред. В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова. – М., 1964.

13. Иоанесян, Е. Р. Проблемы эпистемического согласования / Е. Р. Иоанесян // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – 1989.

14. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л., 1972.

15. Кодзасов, С. В. Исследования в области русской просодии / С. В. Кодзасов. – *Studia Philologica*. – 2009.

16. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения с современным русским языке / П. А. Лекант. – М., 1974.

17. Мещанинов, И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов // Труды Военного института иностранных языков. – 1945. – № 1.

18. Пешковский, А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / А. М. Пешковский // Объективная и нормативная точка зрения на язык / А. М. Пешковский. – М., 2010.

19. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М.-Л., 1941. – Т. 4.

20. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М., 2007.

21. Сиротинина, О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов, 2013.

22. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова [и др.]; под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1989.

23. Судзуки Рина. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Дис. ... канд. филол. наук / Рина Судзуки. – М., 2008.

24. Числовой код в разных языках и культурах // Серия «Логический анализ языка» / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – 2014.

25. Шувалова, С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения / С. А. Шувалова. – М., 1990.

26. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М., 2001.

27. Янко, Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. – М., 2008.

28. Humboldt W. von. *Gesammelte Werke* / W. von Humboldt. – Berlin, 1841–1852. – Bd. 1–7.